

Спустя несколько дней после того, как началась и завершилась голодовка, объявленная группой членов партийного комитета Большого театра во главе с его секретарем Юрием Григорьевым, состоялось открытие партийное собрание оперной труппы ГАБТа СССР. Одним из пунктов повестки стало обсуждение этого нашумевшего события.

Присутствовавшие на собрании артисты труппы обратились в редакцию нашей газеты с просьбой опубликовать выписку из его протокола.*

Вначале Ю. Григорьев изложил причины и мотивы голодовки, повторив заявление, сделанное им для средств массовой информации, и обращение ее участников. Отвечая на вопросы, он сказал, что о том, что не переизбран на очередной срок конкурсно-тарификационной комиссией и теперь с ним предполагается заключить договор на дальнейшую работу в театре, он узнал окольными путями, через курьера. По поводу сво-

С ГРИФОМ...
«РАССЕКРЕЧЕНО»

его неизбрания обратился с протестом к прокурору, но не оно сыграло решающую роль в проведении голодовки. Партком о том, что она будет проведена, не знал.

Итак, слово коммунистам...

И. Морозов, секретарь партийного бюро, солист оперы:

— Лично я против забастовок, голодовок и прочих подобных акций. Они бросают тень на то хорошее, что делает коллектив. Вчера уже звонили в театр и говорили, что присоединяются к голодовке А. Эйзен, который и не думал голодать. Система переизбрания у нас, по-моему, не очень правильная, надо ее менять. Но партком, на мой взгляд, повел себя неверно.

Е. Нестеренко, солист оперы:

— В том, что не работает художественный совет оперы, виноваты мы с вами, а не дирекция, которую обвиняют.

Переход на пенсию — естественный процесс, когда-то же надо уходить. Так что же, вся-

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ПРОТЕСТА

Соб. кинотеатра. — 1990. — 23 июня. — С. 8

кий раз будем вывешивать траурные флаги? Люди, оставшиеся театр, которых вы перечисляете, оставили его по самым разным причинам — один действительно из-за того, что у него были нелады в коллективе, другой погнался за «длинным рублем» или «длинным долларом», третий — потому, что уже не может работать. Так что надо быть очень осторожным, выдвигая подобные обвинения в адрес дирекции.

Г. Панков, режиссер:

— Мне не понравилась акция группы членов парткома. Неужели теперешнее положение в театре сложилось только сегодня? Или, может быть, Ю. Григорьев первый год в парткоме?

Все началось уже очень давно, а особенно обострилось лет шесть-семь назад, когда без участия парткома, возглавляемого Ю. Григорьевым, вынудили уйти из театра Б. Покровского. Теперь мы приглашаем его на постановки, уже

три раза пригласили и, наверное, будем приглашать и впредь. А тогда была консолидация с солистами, недозволенным творчеством Покровского. Мы поддержали гонения на него — кто словом, а кто молчанием. Потом стали негодны главный дирижер и директор. И опять действовал партком, а мы все, коммунисты, гласно или молчаливо, его поддерживали.

Большой театр, как зеркало, всегда отражал политическую систему — начала разваливаться система, начал разваливаться и Большой театр. Почему же группа членов парткома обвиняет в этом Кокошкина, Захарова, Лазарева?

Почему наш партком, если он такой правдивый, хороший, избранный и поддержанный всем коллективом, не вел работу на благо театра, налаживая моральный климат и производственно-творческую дисциплину, а все больше разжигал страсти? Сняли одного, за-

менили другого, стали разбегаться артисты — и все это в период, когда возглавлял партком Ю. Григорьев. Почему же вдруг именно сейчас понадобилось устраивать символическую голодовку, позорную и смешную одновременно? Используя открывшиеся сейчас возможности, очень легко взбудоражить общественное мнение, поднять народ против Большого театра. Товарищи, бросьте же наконец травить друг друга и начните заниматься творчеством.

В. Захаров, первый заместитель генерального директора театра:

— Ю. Григорьев — руководитель огромной партийной организации огромного театра, человек опытный. Его поступок — результат целенаправленной политики, он был продиктован стремлением воарем нанести удар. Театр выпустил «Младу» — партком собрал памятную всем пресс-кон-

ференцию. Выпускали «Жизнь за царя» — пошли отрицательные публикации о театре. Выпустили «Орлеанскую деву» — объявлена голодовка. Григорьев не знает, но народ слышал, что в Большом голодовка, и без конца звонят в театр: «Артисты с жиру бесятся. Чего им не хватает? Разве они не видят, что происходит в стране?»

Секретарь парткома Ю. Григорьев ни разу не предложил ни дирекции, ни художественному руководству театра свою помощь в решении стоящих перед театром проблем, в стремлении что-то изменить, добиться каких-то преобразований. Существующая в театральных коллективах система безобразна, она мешает нам работать, самим решать организационные вопросы. Почему ушли из театра Атлантов, Шамчук, Пьяко? Их не устраивает существующая система, а другую предложить мы не можем. Давайте перейдем на

контрактную систему, которая может гарантировать соблюдение интересов солистов, обеспечить их работой, повысить зарплату и позволит самостоятельно распоряжаться своим рабочим временем. Эту систему Ю. Григорьев старается дискредитировать вместо того, чтобы разобраться в ней и вместе с руководством театра идти в соответствующие инстанции доказывать, что для Большого театра должен быть создан другой режим.

Мы никого не можем пригласить на работу в театр. Приняли молодых солистов, но жить им негде. Кто не дает им жилья? Моссовет. Просишь жилье, требуют прописку, просишь прописку, спрашивают о жилье. Секретарь парткома Большого театра, член МКК КПСС Ю. Григорьев забил тре-

вогу, помог в решении этих вопросов?

У государства нет денег. Дирекция ищет возможность самостоятельно их заработать. Подписали «Соглашение о консорциуме». Вы, Юрий Александрович, стали говорить, что оно заключено за спиной коллектива и носит кабальный характер. Разъяснили наконец, что такое консорциум, на каких условиях он будет действовать, успокоили людей. Сейчас нам предлагают продать МИДу ложу бануара — это десять мест. Тогда мы могли бы всем повысить зарплату. Но нам не разрешают это сделать. А выпускать новые спектакли становится все труднее, трудно материально заинтересовать работников — и в мастерских, и в театре. Если бы вы добились специального решения правительства об особом статусе Большого театра, вас бы все поддерживали. А то, что произошло, просто грязь, в которую снова окунали театр.

На собрании также выступили артисты Н. Майборода, А. Джапаридзе, Е. Райков, режиссер Г. Геловани, осудившие акцию протеста, предпринятую группой членов партийного комитета ГАБТа СССР.

* Текст публикуется с сокращениями.